



ЕЛЕНА ГОВОР

РУССКИЙ СИДНЕЙ — У ИСТОКОВ

(Продолжение. Начало в «АМ» № 41)

ОБ АВТОРЕ: Историк и писательница Елена Говор стояла у истоков альманаха «Австралийская мозаика» и все восемнадцать лет его существования была не только постоянным автором журнала, но и вдохновителем и советчиком главного редактора. Елена Говор — доктор философии, научный сотрудник Австралийского национального университета, специалист по истории русско-австралийских связей. Статья в этом номере — продолжение опубликованной в «АМ» № 41.

РУССКОЕ ВОСПРИЯТИЕ СИДНЕЯ, КАК и Австралии в целом, имеет давние традиции. Этому была посвящена моя первая австралийская книга «Австралия в русском зеркале: Меняющиеся представления, 1770–1919 гг.». Тексты русских, посещавших Австралию, опубликованы нами и в сборнике «Российские моряки и путешественники в Австралии». Мы будем к ним обращаться не раз, но между мимолётными впечатлениями путешественников и восприятием иммигрантов есть большая разница. Иммигранты видят жизнь по-другому, изнутри, с изнанки, а не с парадной стороны, какой она предстаёт перед состоятельными путешественниками. И хотя и те, и другие далеки от объективности, мы ищем в их текстах не её, а тот удивительный сплав, где русское видение мира вступает в реакцию с чужеродной действительностью. Результат — это отнюдь не развесистая клюква, напротив, в описании увиденного более выпукло проступают черты общества наблюдателя, в данном случае русского, и иногда метко подмечаются черты наблюдаемого

общества, которые могут быть не заметны самим австралийцам.

Изгнанник (Иван Антонов¹) в этом плане вполне показательный комментатор. Он получил неплохое образование в России и, судя по его рассказам о себе, побывал в русских тюрьмах; он сотрудничал с русскими газетами и бойко писал, живя на гонорары от своих публикаций. Хотя английский был у него, как и у большинства иммигрантов, весьма ограниченный, он с головой окунулся в новую действительность — читал австралийские газеты, слушал уличных проповедников, переводил Байрона, да и просто использовал любую возможность говорить с окружающими людьми.

В русском образе Австралии всегда сочетались две крайности: с одной стороны — экзотика далёкой земли, с другой — успешная модель западного развития. Изгнанник написал целую поэму о своих странствиях по жизни и миру, которая именно так и называется — «Изгнанник». Австралийская часть «Песни пятой» этой эпопеи начинается именно с такого противопоставления:

*У южных звёзд, у дальних вод
Живёт свободнейший народ.²*

¹ «В июле 1908 г. в Австралию из Японии прибыл с группой эмигрантов-интеллигентов литератор Иван Николаевич Антонов, писавший под псевдонимом «Изгнанник». Австралийский иммиграционный контроль в то время был настолько слаб, что Антонов, не имевший паспорта, при посадке на корабль назвался просто Изгнанником, а чиновник так и внёс его в список пассажиров под именем Mr. Y. Sgnunik». Елена Говор. Страницы русской Австралии. «АМ» № 41, стр. 31–45.

² Изгнанник [И.Н. Антонов]. Песнь пятая. — Далёкая окраина, № 687, 23 августа 1909, с. 2.



Изгнанникъ.

Пѣснь пятая.

For pleasures past I do not grieve
Nor perils gathering near;
My greatest grief, is that I leave
Nothing that claims a tear.
L. Byron.

I.

Прощай, Манила! Предо мной
Опять лежитъ просторъ морской;
И мчитъ корабль въ чужую даль
Мою любовь мою печаль.
Ужъ очертанья береговъ
Блѣднѣютъ въ дымкѣ облаковъ,
Вотъ грудь синѣющихъ холмовъ
Блеснула мнѣ въ послѣдній разъ
И скрылась навсегда изъ глазъ.
Увы! Въ груди змѣя живетъ!
Ужъ канулъ въ вѣчность долгій годъ
Какъ я оставилъ край родной
Для счастья жизни кочевой.
Но каждый день мнѣ говорилъ
О преступленьяхъ злобныхъ силъ,
Висѣвшихъ пылью вѣковой
Надъ безпросвѣтной землей

Опять
И въ
Расте
На н
Смол

Задум

Вече;
Пыла

Несе

Для

Куда

Впис

Не ж
Видѣ

Изся

Публикация поэмы Изгнанника
в газете «Далёкая окраина»

Да, свобода — это было первое, что русские эмигранты жаждали найти в Австралии, и они действительно видели её, но по-разному. «Вот уже неделя, как я обретаюсь в свободной стране, куда так стремился попасть», — начинал своё письмо Михаил Домерщиков. «Чувствуется здесь очень свободно — вы можете идти, как угодно одетым — никто не обращает внимания. В трамах [трамваях], ресторанах, dining-room'ах [столовых] рабочие, пришедшие прямо с работы с чёрными руками и лицами, садятся рядом с разряженными барынями, и это никого не „шокирует“» (Виктор Курнатовский). «Чудный здесь Ботанический сад... Свобода везде полная — можно ходить по траве» (Мария Ясиновская). Но Изгнанник, этот мальчиш-плохиш русской колонии, с первых шагов безжалостно анатомировал австралийскую свободу: «Принесу жертвы всем богам, когда уеду от этого счастливо-свинячьего царства, — писал он Борису Оржиху, — где буквально извожусь в сыто-довольном хрюканьи узколобо-религиозного народа, бессознательно наслаждающегося обилием плодов зелёных, „растворением воздухов“ — так дёшево добытой сверху свободой».³

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6317, оп. 1, д. 73, л. 144, 220, 152–153; д. 49, л. 1–7.

Тем не менее, история освоения Австралии предстаёт в стихах Изгнанника в виде парафраза развития Санкт-Петербурга в пушкинском «Медном всаднике»:

Из разных мира уголков
От тёмных девственных лесов,
От снежных гор, глухих полей
Пришли сюда толпы людей —
Простившись с родиной своей.
И осенил Британский флаг
Разноплеменный мир бродяг,
Привлѣк свободой рабский люд,
Благословил свободный труд.
На каменистых берегах,
В тёмно-зелёных деревьях
Воздвиглись стогны городов
И путь нашла толпа судов
От иностранных берегов.
В садах раскинулся Сидней...⁴

Последняя фраза в поэме Изгнанника неслучайна: красота Сиднея с первого взгляда покорила северных пришельцев. Ясиновская так описывала свои первые впечатления: «Сидней — сказочно хороший красивый город, громадный, раскинутый по побережью, весь утопающий в зелени, с множеством парков, бульваров, садов, цветов. Громадные здания, широкие чистые улицы, масса света вечером, чудные экипажи, дешёвые, летящие, как метеоры, трамваи, чудные богатые магазины, элегантная толпа, очень красивые лица, очень нарядные дамы, бедных нет, плохо одетых нет. Дёшево очень, всё дёшево».⁵

В восприятии Курнатовского, который с трудом нашёл хоть какую-то работу, всё ещё присутствует этот праздничный Сидней, но в нём уже начинают звучать ноты диссонанса: «Ну, не буду писать Вам о Сиднее и его прелестях — об этом вы уже знаете, — пишет он Оржиху. — Да прелести эти в значительной степени отравляются страшной пылью, что объясняется редким выпадением дождя».⁶ А вот безденежье Изгнанника меняет его взгляд на Сидней в полной мере: «Третий день бродил я по улицам шумного, огромного Сиднея, чуждый его жизни, чуждый всем, населяющим его. Голодный и озлобленный, оглушаемый непрерывным стуком экипажей, я рассеянно смотрел на суетливое волнение толпы. Эта толпа, как огромное пресмыкающееся, неустанно ползла по длинным улицам и не было конца её движению. На мгновение быстрые трамваи перерезали

⁴ Изгнанник. Песнь пятая, № 687.

⁵ ГАРФ, ф. 6317, оп. 1, д. 49, л. 1–7.

⁶ ГАРФ, ф. 6317, оп. 1, д. 73, л. 220.



PITT STREET, SYDNEY

Питт-стрит, Сидней



её огромное, разноцветное тело, но оно соединялось снова и снова ползло вперёд. Из громадных зеркальных окон магазинов заманчиво смотрели красиво разложенные булки и фрукты, печально напоминая о суровой пустоте моего желудка. [...] А город пылал и шумел своей обычной жизнью... Огромные холодные каменные здания, пастью широких дверей своих, втягивали в себя и выдавливали на улицу новые вереницы людского потока».⁷

И всё же Сидней Изгнанника — это не просто абстрактный город-мóлох, это — пространство, обжитое и исхоженное им вдоль и поперёк, с точной топографией и топонимией, с любимыми уголками. Вот, например, зарисовка одной из центральных улиц: «Если вы вздумаете в полдень пройти по богатой улице Pitt-street, где заманчивыми рядами красуются огромные магазины с украшениями и безделушками, по этому Кузнецкому мосту англичан, — вы попадёте в целое море шляпок, вуалей, юбок всех цветов, горящих глаз, улыбок, звонких голосов, — оттуда вы не в силах выбрать на более просторную улицу, и вы поневоле принуждены отдаться эстетическому созерцанию этих бесчисленных существ, красота которых соперничает с красотой их одежд».⁸

⁷ Изгнанник. *Come on!* — В кн.: На пире земли (Рассказы и песни). Петроград: Тип. Научное дело, 1916, с. 121.

⁸ Изгнанник. Из моих скитаний. — Далёкая окраина, № 714, 27 сентября 1909, с. 2.

В рассказах, написанных им, вероятно, уже несколько лет спустя после отъезда из Австралии, он так же воспроизводил улицы Сиднея в ярких и точных деталях. «Был вечер... Город пламенел бесчисленными огнями. Выгнанный из парка, я спускался по покато́й улице Вильяма, направляясь к Гайд-Парку». «Пройдя Гайд-Парк, пройдя длинную улицу какой-то Елизаветы, мы приблизились к дому доктора». «Я видел, как её маленькая фигурка вышла из парка и повернула на широкую, цепью огней сверкающую улицу Вильяма». Это всё маркеры места из одного рассказа «Come on!».⁹ «Мы вышли из [Гайд]-парка, прошли мимо готического здания католической церкви и стали спускаться по направлению к морю, [...] поравнялись с памятником поэта Бёрнса». Это уже странствия из рассказа «Тореадор», и да, действительно, стоит на Домейне памятник Роберту Бёрнсу, но многие ли из нас удосужились с ним познакомиться? А вот и возвращение в город: «Мы помчались по тому же пути, по которому шли к морю; шагая, как страусы, перелетели Гайд-Парк и вышли на широкую улицу Джордж-стрит. Было уже совсем темно, и улица сияла бесчисленными огнями. Тучи людского потока, колыхаясь, плыли между огромных магазинов, быстрые трамваи шумно проносились взад и вперёд, унося нарядных и довольных людей».¹⁰

⁹ Изгнанник. *Come on!*, с. 123, 126, 130.

¹⁰ Изгнанник. Тореадор. — В кн.: На пире земли, с. 136, 139.



Аллея в Гайд-Парке



Джордж-стрит

Как видим, сиднейский Гайд-Парк занимает в этой топографии центральное место. От него и к нему ведут все пути, здесь начинаются все приключения. Изгнанник неизменно описывает его с любовью: «Утро было упоительное. Светлое зимнее солнце, лишённое жарких лучей, нежно и мягко сияло над парком, золотило тёмные листья широких деревьев и заливало лучистым светом людей, — или лениво лежавших на куртинах, или сидевших на скамьях с огромными газетами».¹¹ Именно здесь Изгнанник провёл много часов, когда, презрев эксплуатацию, вступил в ряды сиднейских сандаунеров (sundowners) — словом этим обычно называют в Австралии безработных, перебивающихся случайными заработками, но в нём звучит и оттенок некоего вольготного времяпрепровождения. Русский сандаунер, однако, не мог полностью отдаться течению жизни, — как и Раскольников, его мучили проклятые вопросы мироустройства: «В карманах моих обитал только обгрызанный карандаш, да мелко исписанные листки бумаги — недосказанные рассказы и недопетые песни...».¹²

Изгнанник часто заходил и в Национальную галерею искусств, а потом отправлялся в Ботанический сад: «По вечерам публика собирается в чудных аллеях этого райского уголка, где таинственная тишина ночи чутко ловит сладкозвучный говор фонтана,

резкие голоса попугаев, пленённых многочисленными клетками, влюбленный шёпот и тающие звуки поцелуя где-нибудь под широколиственным шатром пышных африканских пальм».¹³ Наблюдая публику в Ботаническом саду, Изгнанник пустился в некий географический детерминизм, утверждая, что красивая природа далёкой Австралии, вечная весна, царящая там, кладут свой отпечаток даже на англичан. Скучные дети «туманного Альбиона», принесшие свой сплин в благодатную страну Кука, способны здесь улыбаться, мечтать под ласкающими лучами солнца, любоваться богатой и разнообразной флорой, в которой утопают и города, и поля, и береговые скалы, и царство которой завершается таким совершенным апофеозом, как Ботанический сад в г. Сиднее, в котором собраны дары всего мира «от холодных финских скал до опалённых зноем тропиков».¹⁴

К этому присутствию чего-то родного в Ботаническом саду Изгнанник обращается ещё не раз, отмечая, например, что в нём «собрана флора всего мира, от скромной сосенки холодной Сибири до пленительных пальм жарких тропиков».¹⁵ Впрочем, сад этот очаровал даже скупого на похвалу Курнатовского: «Есть здесь чуд-

¹¹ Изгнанник. Тореадор, с. 133–134.

¹² Изгнанник. Come on!, с. 121.

¹³ Изгнанник. Из моих скитаний, № 714.

¹⁴ Там же

¹⁵ Изгнанник. Из моих скитаний. (Из австралийских очерков) — Далёкая окраина, № 748, 8 ноября 1909, с. 2.



Ботанический сад

ный Ботанический сад, по красоте и пространству превосходящий всё, до сих пор виденное мною». ¹⁶

И всё же, несмотря на красоты Сиднея, отношение к социально-политическим сторонам жизни австралийского общества у наших иммигрантов было зачастую критическим. Например, система парламентского управления, демократические свободы явно не обольщали Изгнанника:

*Судью над добром и злом
Там дан парламент королём —
Заплата порванных одежд,
Для утешения невежд.* ¹⁷

Столь же иронично отзывается он и о «демократах». В дверь бара он наблюдает, как «увесистые демократы, стоя у прилавка, тянули виски и пиво». А вот и демократ собственной персоной:

*Из «бара», выпив виски яд,
Выходит дюжий демократ;
И сам с собою говоря,
Качаясь, встал у фонаря.
«Прекрасно!.. я... немного пьян...
Я думаю... что сэр Брайан
Заменит Рузвельта... о, да...
Вольнее мы вздохнём тогда...
Российский люд... лорд Розбери.*

А впрочем... чёрт их поберу...» ¹⁸

Похоже, что для него демократы — это плебс, дорвавшийся до власти в результате «неправильной» демократии австралийского разлива. Нет у него симпатии и к «социалистам», к которым он должен был бы, по большому счету, причислять и себя. «Все они очень много курили, охотно и всегда говорили о погоде, о женщинах и о Льве Толстом и называли себя социалистами», иронизирует он над пациентами кожно-венерической лечебницы. ¹⁹

Австралийские социалисты, впрочем, не понравились не только Изгнаннику. Курнатовский писал Оржиху вскоре по приезде: «В Сиднее, как во всяком приличном английском городе, есть конечно свой Hyde-Park, где по воскресеньям проходят митинги, [...] религиозных — тысячи, социалиста слушали человек 200. [Есть] 2 социалистических газетки, группа, клуб человек 500, в Мельбурне — 3000». Да и сам социалистический клуб разочаровал русских социалистов — «кроме эмигрантов немцев и самых низов сиднейского пролетариата (домашней прислуги, портных, грузчиков и т.п.) мы никого там не застали,— писал Михайлов.— Вся масса квалифицированных рабочих была в рядах мещанской Labor Party»; Курнатовский тоже считал, что лейбористская партия была «скорее

¹⁶ ГАРФ, ф. 6317, оп. 1, д. 73, л. 220.

¹⁷ Изгнанник. Песнь пятая, № 687.

¹⁸ Изгнанник. Тореадор, с. 140. Изгнанник. Песнь пятая. — Далёкая окраина, № 692, 29 августа 1909, с. 2.

¹⁹ Изгнанник. Замок прокажённых. — В кн.: На пире земли, с. 28.



узко тред-юнионистская, консервативная, чем „рабочая”.²⁰ Похоже, что и «низы», и «верхи» австралийского рабочего класса оказались «неправильными» и не вписывались в ту марксистскую модель мира, которая была в головах у русских социалистов.

Изгнанник, тем не менее, сумел не выплеснуть ребёнка с водой и разглядеть в городской суете простого рабочего человека:

*И видел я свободный люд,
Его искусство, жизнь и труд,
Его блаженства и печаль
И незаманчивую даль
Его стремлений. Предо мной
Мелькали скучной чередой
Картины жизни... Жаркий день
Сменила сумрачная тень;
Огромный город оживлён,
Огнями ярко озарён...
Окончен трудный день работ,
К своей семье идёт народ,
Старинный вальс звенит в домах,
С балконом в вьющихся кустах.²¹*

Вот она — австралийская идиллия, о которой столько писали русские публицисты и путешественники! Ведь между двумя революциями в России вышли десятки книг и статей, воспевающих условия жизни австралийского

Домейн — место публичных митингов в Гайд-Парке

рабочего класса. Их названия говорят сами за себя: «Счастливая Австралия: Социальное законодательство Австралии и его результаты», «Рабочее царство (Как живут рабочие в Австралии)», «В стране истинного народовластия (Австралия)», «Уроки австралийской демократии». Эти авторы отталкивались, в первую очередь, от русских реалий: «Всем известно, при каких условиях приходится жить нашему рабочему, — писал К. Невский, — ежели в казарме, при фабрике — то это не квартира, а клоповник, тюремный застенки; ежели своя квартира, то жалкая лачуга на окраине города, где сыро и холодно. [...] Совершенно не то в Австралии».

Александр Пиотровский приглашал своих читателей: «Заглянем теперь в жилище австралийского рабочего. Для этого нам не придётся ни идти по грязным улицам и переулкам, ни взбираться по вонючей лестнице в пятый или шестой этаж огромного дома. Таких домов (и вообще домов, разделённых на отдельные квартиры, сдаваемые внаймы) в Австралии нет вовсе. Рабочие живут там со своими семьями в отдельных маленьких домиках (коттеджах), состоящих, обыкновенно, из 3–5 комнат с ванной; при каждом домике обязательно есть палисадник впереди дома и маленький огород позади».

Русский экономист Николай Крюков, побывавший в Австралии в 1903 году, тоже отмечал, что пригороды австралийских городов «превратились в ряд усадеб с цветниками, садами, уютными домами, где живёт на свободе то самое население, которое в старых городах было обречено на житьё

²⁰ ГАРФ, ф. 6317, оп. 1, д. 73, л. 220; Михайлов М. Виктор Константинович Курнатовский (в период 1907–1919 гг.). — Старый большевик, 1930, сб. 1, с. 169.

²¹ Изгнанник. Песнь пятая, № 692.



в больших мрачных домах в узких улицах».²² Кроме самих жилищных условий, они в один голос восхищались культурным досугом, которым пользовался рабочий класс в Австралии: печать, рабочие клубы, концерты, доступные для всех занятия спортом.

Но Изгнанник, в отличие от русских публицистов, бродя по Сиднею воскресным вечером, за «балконом в вьющихся кустах» увидел совсем другое: «В окнах домов виднеются лощёные физиономии бритых и коротко стриженных мужчин и яркие платья и роскошные наложенные локоны женщин, сидящих за обильно уставленным столом. Доносится скучное бренчанье пианино, необходимо присутствующее в каждом богатом и небогатом доме, и визгливый голос девицы выводит бесхитростный и безвкусный мотив на бесконечную тему любви и разлуки. На глухих улицах сооружены карусели, и множество детей и взрослых, оседлав деревянных коней, мчатся кругом, влекомые маленькой пони, оглашая улицу громкими возгласами. Кругом карусели толпится народ, щелкая орехи, курит трубки и, болтая вздор, весело и непринужденно смеётся. Смеются мужчины и женщины, смеются старики и дети. Все они окончили шестидневный труд во всевозможных фабриках и заведениях, где они являются маленькими, бесчисленными винтиками в колоссальной машине бога века — капитала и теперь не хотят ни о чём думать, ничего знать, ни о чём заботиться. Они хотят отдыха, лакомств и смеха. [...] [В] Ботаническом саду сидят и полулежат на ярко-зелёной траве нарядные парочки и на фоне свежей зелени ярко выделяются чёрные сюртуки мужчин и белые платья, и цветы на широких шляпах женщин. Все довольны и счастливы, все здоровы и сыты, и мутная топь их жизни проходит для них безбурной, томной, и желанной Аркадской идиллией. Утром они были в церкви, в полдень очень хорошо пообедали, теперь отдыхают на чистом воздухе, дремля под чудными пальмами и магнолиями, а вечером, после сытого, обильного ужина, пойдут в цирк смотреть, как двое „знаменитых“ людей, за которыми следит весь „цивилизованный“ мир, будут выбивать зубы и сворачивать скулы друг другу».²³

Надо сказать, что любовь австралийцев к спорту неизменно вызывала ироничное отношение русских путешественников — и в этом случае австралийцы для них неизменно превращались в англичан. София Витковская, посетившая Австралию

в 1896 году, увидев электрическое освещение «неизбежных» спортивных площадок в сиднейском парке, саркастически комментировала, что «матчи могут происходить и ночью, как будто для этого важного занятия слишком короток день». Покидая Австралию, она была убеждена, что «увлечение, с которым англичане иногда относятся к спорту, граничит... как бы это сказать помягче... с недостатком умственных способностей». В 1903 году уже знакомый нам Крюков иронизировал над увлечённостью спортивными играми своих спутников на корабле как над занятием «совершенно бесполезным и бессмысленным», но, поездив по Австралии, вполне одобрительно писал, что «лужайки для игр составляют такую же особенность австралийской фермы, как и цистерны для воды. Австралийские фермеры чрезвычайно любят всякого рода спорт, всякого рода упражнения и состязания на открытом воздухе; эта любовь к спорту здесь даже больше, чем в Англии».²⁴

Изгнанник, изо дня в день наблюдая сиднейскую жизнь, видел массовость спорта, доступность его всем слоям населения:

*Вечно весёлым вешним днём,
Под жарким солнечным лучом
Я видел полчища людей,
Девиц, и старцев, и детей
Средь зеленеющих полей.
Сюда нарядный люд привёл
Лаун-теннис, крокет, фут-бол,
Табуны быстрых лошадей,
Лихой, испытанный жокей
И жажда зрелищ и грошей».²⁵*

Это, однако, его явно не вдохновляло. Однажды у него состоялся такой разговор в Ботаническом саду около детской спортивной площадки, где девочки и мальчики проделывают всевозможные физические упражнения на лестницах, трапециях, гигантских шагах, качелях и пр. Лица разгорячены, звонкие голоса неумолчно звенят в тёплом воздухе, смешиваясь с голосами взрослых, громко поощряющих наиболее смешные и удачные проделки детей. [...]

— «Вы любите смотреть игры? — спрашивает меня подошедший господин в широкополой шляпе и, конечно, с трубкой в зубах.

— Я люблю смотреть, как играют дети, — отвечал я, — но не могу понять, как взрослые могут проводить всё время в подобных занятиях.

²² К. Невский, Рабочее царство (Как живут рабочие в Австралии), М., 1917, с. 12–13; А. Б. Пиотровский, В стране истинного народовластия, Пг. — М.: Задруга, 1917, с. 21; Н. А. Крюков, Австралия: Сельское хозяйство Австралии в связи с общим развитием страны, М., 1906, с. 27.

²³ Изгнанник. Из моих скитаний, № 748.

²⁴ С. В. Витковская, Кругом земли: Путевые воспоминания. М., 1915, с. 232–233, 272; Крюков, Австралия..., с. 16, 150.

²⁵ Изгнанник. Песнь пятая, № 692.



Спортивная площадка

— Но это необходимо, это — полезно, — заметил джентльмен, видимо, удивлённый.

— Я очень мало говорю по-английски, но вы постарайтесь понять меня. Это — полезно для развития мускулов, но не мысли.

После минутной паузы, он, пристально посмотрев на меня, спросил:

— Какой вы национальности?

— Я — русский.

— А, вы русский! Какой же вы жестокий народ! — воскликнул он незлобно, и пошёл в толпу, оставив после себя пахучее облако табачного дыма». ²⁶

Сарказм Изгнанника в отношении к спорту достиг апогея во время поединка боксёров, происходившего в 1908 году в Сиднее. Описывал он его так: «В то время общественное мнение Сиднея было возбуждено скулодробительной эпопеей двух «мировых чемпионов» — американского негра Джонсона и янки Томми Бёрнса, и все любители этого рода наслаждений были возмущены тем, что, сверх их ожидания, «чёрная собака», так отдубасила представителя белой «культурной» расы, что последний, отнятый полисменами, едва мог сойти с арены. Этого никак не могли и не хотели понять и простить англичане, об этом они говорили, спорили, писали десятки статей, и в продолжение двух недель после этого «исторического» события в жизни сиднейских «глуповцев» — с кем я ни встречался, я ни о чём более не слышал, кроме этого «fight» или просто — драки». ²⁷

²⁶ Изгнанник. Из моих скитаний, № 748.

²⁷ Изгнанник. Из моих скитаний, № 714.

Здесь, как видим, австралийцы превращаются в англичан, и, более того, в «глуповцев» Салтыкова-Щедрина. И дело здесь, конечно, не в самом спорте, а в том нравственном, духовном заряде, с которым вырывались из деспотической России русские радикалы. Они не могли принять обыденную жизнь, когда люди трудятся и отдыхают, мирным путем решают свои проблемы, да просто радуются и смеются. Изгнанник задыхается в ней: «Каждый день, утомлённый сутолокой города, утомлённый пошлым покоем и благополучием мелкой мещанской жизни, я отправляюсь в Национальную галерею искусств и просиживаю там несколько часов». ²⁸ Ещё более красноречив его герой в разговоре с влюблённой в него австралийской девушкой: «Народ ваш — сплошное мещанство. Люди в футлярах. Ни мысли свободной, ни дела широкого и святого. У вас есть торговцы, священники, рабочие; есть демократы и аристократы. Но у вас нет героев и мучеников, ибо нет идеалов. Жизнь — довольная и безбурная — во дворилась в берегах, остановив стремительное и беспокойное течение вперёд, и стала болотом». ²⁹

Конечно, далеко не всем русским эмигрантам был присущ подобный разрушительный максимализм, было много среди них и прагматиков, ехавших за моря за длинным рублём. И всё же очевидно, что бунтари, выросшие на русском критическом реализме — недаром у Изгнанника так много образов из русской литературы — не могли успокоиться, оказавшись в обществе, где многие социально-экономические проблемы были решены. Впрочем, Домерщиков отзывался о творчестве своего соседа по дому с некоторой иронией: «Изгнанник пишет статьи и мечтает удрать без оглядки из бараньей страны, куда он приехал по непонятной для меня причине. Приходится удивляться несамостоятельности и слабости такого господина, вместе с тем весьма сурового и энергичного в своих писаниях». ³⁰

С не меньшим критическим запалом относились русские и к религиозной жизни австралийского общества. Здесь взгляды путешественников и иммигрантов вполне смыкались. София Витковская прибыла в Сидней накануне Пасхи, день которой в 1896 году совпал в русском и в западном календарях. С грустью она писала об этих днях: «Я стараюсь хорошенько оценить необычность того, что вот я буду жить в Австралии, в Сиднее, что я Бог знает где, что теперь дома начинается весна, а здесь осень, что дома страстная неделя и вдоль утихнувших улиц

²⁸ Изгнанник. В национальной галерее искусств в Австралии. — Далекая окраина, приложение к № 494, 21 декабря 1908, с. 3–4.

²⁹ Изгнанник. Замок прокажённых, с. 61–62.

³⁰ ГАРФ, ф. 6317, оп. 1, д. 73, л. 138.



несётся торжественно-печальный колокольный звон, а здесь... здесь шумно и весело пестрят театральные афиши, ничто не напоминает о Святых Днях, никто, кажется, и не готовится к ясному, торжественному весеннему празднику. ... Была Страстная Суббота, и живо представлялась нам торжественно тихая Святая Ночь на родине, а здесь, где не было ничего похожего на пост, не было ничего похожего и на праздник. Театры были открыты, и пёстрые афиши приглашали в весело освещённые двери. Открыты были и некоторые магазины. На Джордж-стрит — обычное оживление, на других улицах — обычная пустота. Никакого религиозного чувства; над всем одно только тяготение к земному».

Увидев выступление Армии спасения, Витковская комментирует: «Что-то очень уж дико видеть это ханжество с его рекламой, всех этих людей, воображающих, что они нашли истинную веру среди вер, которых так много в неверующей Англии». Как видим, здесь, как и в случае со спортом, Австралия воспринимается Витковской как Англия. Полным разочарованием кончилось для Витковских и посещение благотворительного концерта в методистской церкви. Прежде всего Софию поразила сама церковь, которая «внутри не имела ничего, возбуждающего благоговение; на голых стенах висели только оборванные [листы] с изречениями из Священного Писания, напечатанные вычурными цветными буквами». Витковские, ожидавшие услышать духовную музыку, были шокированы, обнаружив, что вместо этого публику развлекают духовой оркестр с турецким барабаном и певцы-любители, исполнявшие «концертно-салонные вещи с обычными их выкрутасами». Возмущённые «грубой развязностью такого отношения к храму», Витковские ушли, едва дождавшись конца первого отделения. «Передовые англичане ещё много потеряли в моём представлении», — заключает София. В то же время строгое соблюдение австралийцами воскресенья вызвало у Витковской, как, впрочем, и у других русских, обвинения жителей Австралии в фарисействе и формализме.³¹ Её негативизм объясняется обычным для чужестранцев стремлением мерить явления чужой жизни на свой аршин, ведь для русских храм — это сакральное пространство, у протестантов же на первое место выдвигается его социальная функция.

В очерках Изгнанника звучит то же раздражение по отношению к церковной жизни: «В праздничные дни, прежде чем отправиться в загородное путешествие, женщины и девы нарядным потоком стремятся в многочисленные церкви со всевозможными оттенками веры — от торжественной пышности католицизма до пуританской скромности методистов, у которых

весь процесс службы заключается в пении хоро-вых песен и в беседе и чтении — на религиозно-общественные темы».³² Но особенно от него достаётся уличным проповедникам:

*Недалеко — толпа людей,
Пылают факелы над ней,
Оратор с книжкою стоит,
Органчик маленький звучит.
Какой-то медленный мотив,
Печально очи опустив,
Коленом на асфальт присев,
Бормочет что-то нараспев
Кружок сухих и старых дев.
Но вот под громкий улиц стук
Умолк последней песни звук,
Тогда оратор шляпу снял,
Молитву громко прочитал,
И долго, долго он кричал.
Сердитый уличный пророк
Казнил безверье и порок;
Христовой армии солдат
Кричал, что он всем людям брат
И что Христа он полюбил,
И долго он Его хвалил,
И звал к Нему Его детей.
Как будто кроткий Друг людей
В Его божественных лучах
Ещё нуждался в похвалах!...*³³

Как видим, и здесь «истинная» вера противопоставляется ханжеству западного общества в целом и многообразию религиозных направлений, в частности. Это и понятно, ведь опыт жизни в Российской империи, где православие было, по существу, государственной доктриной и где шла постоянная борьба с различного рода «сектами», оказывал влияние даже на такого бунтаря, как Изгнанник.

В то же время Изгнанника, как русского гуманиста, глубоко затронула трагедия австралийских аборигенов, причем причины её он видит сквозь ту же призму лицемерия и фарисейства западного общества:

*Порой, среди вседневных сцен,
Мелькнёт в толпе абориген,
Одет как истый джентльмен.
Он — страшен, грустен и угрюм.
Кто знает, что за толпы дум
Под чёрным кроются челом
И под английским языком.
С молитвой, с сонмами химер*

³¹ Витковская. Кругом земли, с. 206, 215, 221, 240–241, 263–264, 280.

³² Изгнанник. Из моих скитаний, № 714.

³³ Изгнанник. Песнь пятая, № 692.





К нему идёт миссионер,
Но от докучливых людей,
От добродетельных затей
Он, как от язвы мировой,
Бежит испуганной толпой.
Бежит он к девственным лесам,
Бежит к пустыням и горам
И там живёт своей семьёй
Свободный, дикий и нагой.
Так христианская любовь
Его не взволновала кровь;
Не славит он друзей чужих,
И... ест учителей своих!
Но часто, голодом томим,
Приходит к фермам он чужим
И у непризнанных господ
Добро хозяйское крадёт.
Но не равна его борьба, —
И стережёт его судьба.
Суровый фермер для врагов
Напёк и мяса и хлебов,
И бросил он на время дом,
Снабдив припасы мышьяком.
Идёт толпа, добро берёт,
Коварной ненависти плод,
Бежит к своим местам опять,
Чтоб пировать и... умирать!
Не ведал дикий человек,
Что в наш благословенный век,
Голодный должен умирать,
Коль не сумел наш дух понять —
Закон на собственность признать.
И чёрный житель вымирал,
Он правды века не признал,
Хотя Прудона не читал...³⁴

Надо сказать, что печальная судьба австралийских аборигенов нашла отклик в душе и у другого русского барда, Константина Бальмонта, побывавшего в Австралии в 1912 году, но его роман с Австралией заслуживает отдельного очерка.

Очень по-русски, и где-то даже по-достоевски, Изгнанник воспринимал и положение женщины в царстве капитала. Красочно описав сценку вечернего Сиднея:

Прелестных женщин милый рой
Спешит восторженной толпой
На шумный бал — привычный зов —
В одежде радужных цветов.
Волна воздушная кудрей,
Сиянье радостных очей,
Кораллы уст с улыбкой грёз

И грудь в венце пахучих роз —
Будили знойные мечты —
Земным дыханьем красоты.
Когда трамвай их быстро мчал
На скучный бал иль карнавал, —
Казалось, что он мчал богинь
Во храмы эллинских святынь,
На пир любви, на пир богов
На лоне девственных лугов.

Он неожиданно заключает:

Но не Олимп их ожидал,
А в старом доме старый бал,
Где старый вальс старó звучал.
Не вдохновенный Аполлон
Навстречу нёс им лиры звон,
Встречал их пошлый сытый мир,
Купец, судья или банкир.

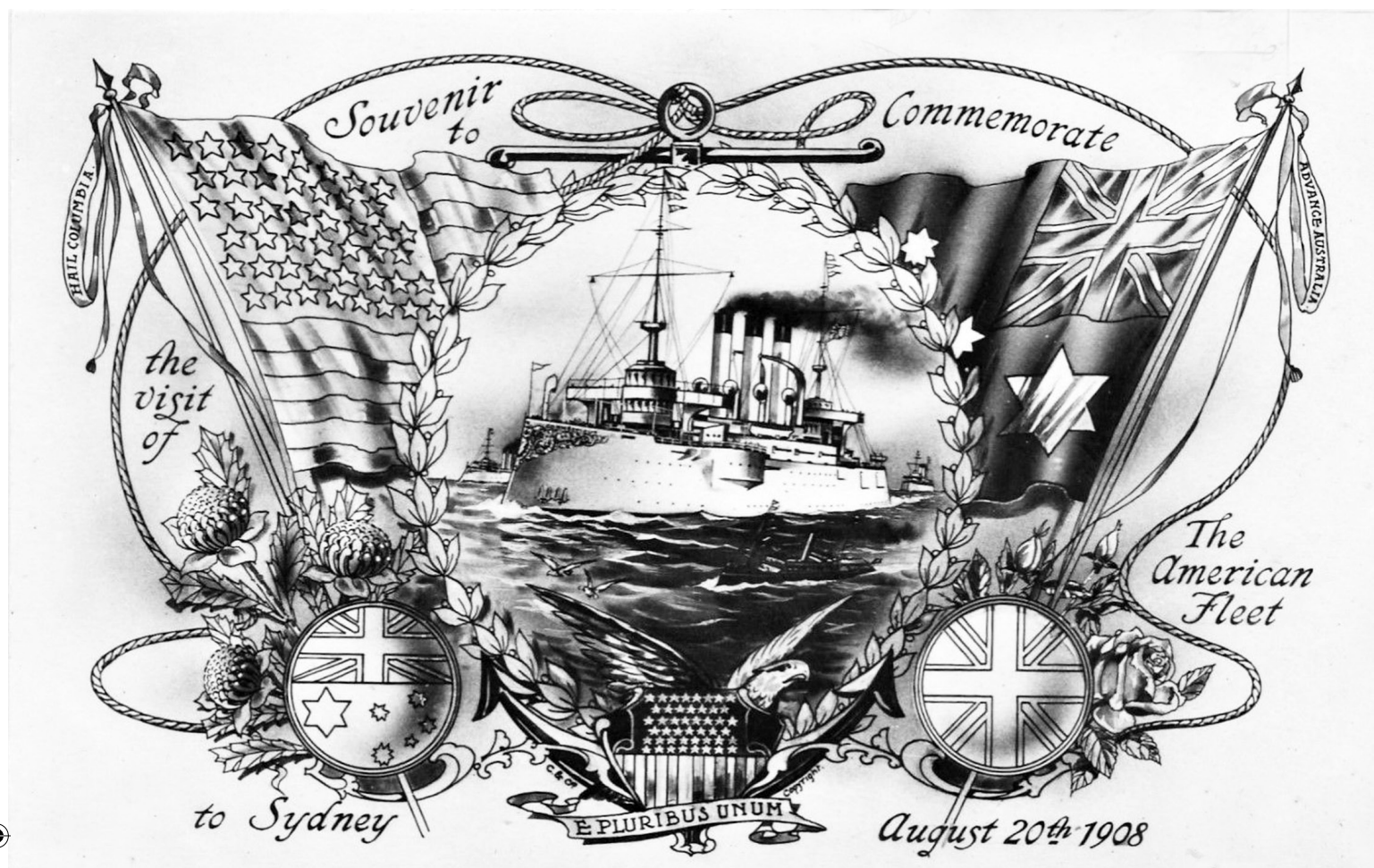
Далее, описав толпу проституток, «полночных дев», Изгнанник продолжает эпатировать читателя:

Быть может важный моралист,
Законовед иль оптимист,
Иль добродетельный народ
Охотно разницу найдёт
Меж правоверною женой
И проституткою ночной —
Но я — не вижу никакой.
Так близок их духовный мир,
В сердцах у них — один кумир —
Телец золотой — такой их нрав:
О, Мефистофель — ты был прав!³⁵

Похоже, что эта позиция была не просто поэтической декларацией Изгнанника. Один из лучших рассказов его сиднейского цикла, "Come on!", посвящён проститутке, девочке лет четырнадцати, привязавшейся к нему на углу одного из переулков, пересекавших улицу Вильяма. Отвергнув её ласки — «быстрые ручки обвилились вокруг моей шеи и холодные, детские губы поцеловали меня...» — но не может бросить её, поняв, что она так же голодна, как и он. И тогда он решается на отчаянный шаг — заходит к своему едва знакомому соотечественнику, состоятельному доктору, и просит денег. И вот они с девочкой покупают булок и фруктов и отправляются в ночной Гайд-Парк и весело поедают свою добычу. И девочка впервые смеётся: «Какой вы смешной! Я в первый раз вижу такого! Меня не берёт, а даёт деньги... Другие берут меня, — продолжала она изменившимся тоном, — а после не платят... А я не могу ничего сделать...

³⁴ Изгнанник. Песнь пятая, № 692.

³⁵ Изгнанник. Песнь пятая, № 692.



Австралия приветствует американский флот

Я должна молчать. Я только плачу... А если бы я стала кричать, то гость сказал бы полисмену, что я была с ним, и меня взяли бы в тюрьму». Отдав ей остатки денег, Изгнанник смотрит, как она уходит в сверкающий огнями город: «И, может быть, не прошло и десяти минут, как мы делили дружескую трапезу, её тоненький голосок опять уже шептал кому-нибудь это ужасное: "Come on!" Я напился воды изо рта какого-то пухлощёкого гнома в фонтане парка и остался сидеть на скамье... Снова один и чужой для всех... Дул холодный ветер, накрапывал дождь, и так мучительно-одиноко, так беспросветно-скудно было мне в эту холодную австралийскую ночь!..»³⁶

Изгнанник одним из первых русских заметил ещё одну черту австралийского общества — раболепие перед Америкой; эта тема будет звучать в последующее столетие в устах австралийских радикалов постоянно, но Изгнаннику она открылась не через политические дебаты, а через наблюдение повседневной жизни Сиднея, когда в Порт-Джексон в августе 1908 года вошёл «Великий белый флот» Соединённых Штатов, посетивший Сидней в рамках кругосветного плавания

для демонстрации своей мощи и доброжелательности. Нашему герою довелось быть очевидцем этого исторического события, когда он находился в кожно-венерической лечебнице: «Придя на берег, я увидел вдали группу сестёр и администрацию, смотрящих на море. Некоторые смотрели в бинокли и подзорные трубы. Мимо берега „по тихим волнам океана“ медленно проходила длинная вереница белых кораблей и тучами дыма грязнила безмятежное, чистое, голубое небо».³⁷ В своей поэме он живописует это событие несколько иронически:

Однообразной чередой
Бежала жизнь страны чужой,
И охранял Британский лев
Печаль и смех, любовь и гнев.
Но вдруг — так волны вешних вод
Ломают их сковавший лёд —
Преображается народ!
Его восторгам нет границ,
Улыбки гонят холод лиц;
Цветами, флагами покрыт,

³⁶ Изгнанник. Come on!, с. 121–130.

³⁷ Изгнанник. Замок прокажённых, с. 66.



Ликует Сидней и шумит.

[...]

Нет, то не муз, ни мысли плод:

К водам Австралии плывёт

Американский мощный флот!

—

И Австралиец пировал:

Неделю он гостей венчал,

Волна весёлая текла,

И возвеличила хвала

Союз кенгуру и орла.³⁸

Хоть кенгуру и пришлось появиться здесь с необычным ударением, надо признать, что ироничный афоризм Изгнанника вполне удался.

Во всём многообразии австралийской жизни близки Изгнаннику оказались только уличные музыканты и художники, да люди дна. Австралийское дно, которое он описывал с сочувствием и знанием дела, присутствует во многих его рассказах. Это и девочка-проститутка из рассказа "Come on!", и рабочие на потогонном предприятии по починке мешков, с которыми мы уже познакомились³⁹. Это и разнообразные австралийские типажи, отброшенные на обочину жизни и оказавшиеся в кожно-венерической лечебнице (рассказ «Замок прокажённых»). Есть среди его героев и «старый побитый боксёр», который «не делает сбора»; рассказчик встречает его в ночлежке. «Тяжело быть одному, чёрт возьми!», — совсем по-достоевски говорит боксёр, и они пьют вместе всю ночь, и боксёр рассказывает о своей жизни, а под утро кончает с собой (рассказ «Недолгий друг»)⁴⁰. Ну и, конечно, — это голод, от трагического в "Come on!" до почти буффонадного, когда другой недолгий друг русского героя выдаёт его за слепого соратника Гарибальди — «Ранен... Бился за свободу», — и подвигает петь «Тореадора» на русском языке «на улице Джорджа», а сам собирает в шляпу пенни на еду (рассказ «Тореадор»).

Продажа творчества за деньги в мире капитала, пусть и солнечного, праздничного, австралийского мира, — это ещё одна любимая тема Изгнанника:

Художник с уличным певцом

В полдневный жар бредут вдвоём,

И обнажается душа

Во имя медного гроша.

Поёт о славе старый скальд;

Сиднейский Репин на асфальт

Садится, испуская вдох,

С карандашами всех сортов,

И вмиг проворный карандаш

Импровизирует пейзаж.

Проходят девы, смотрит фронт,

Бросают пенни за талант,

Несут дешёвые хвалы

И топчут волны и скалы.

Смеётся солнце, мчится люд,

Шумит трамвай, сады цветут,

Пестреет творчества асфальт,

Поёт о славе старый скальд.⁴¹

Среди рассказов Изгнанника, разбросанных по провинциальным газетам, есть и пророческий рассказ «Поэт», напечатанный в 1909 году. Место действия в рассказе не названо, но в нём вполне можно узнать черты Сиднея, каким он виделся Изгнаннику: «Он любил солнце — этот голодный, оборванный бродяга — и каждое утро выходил из своей норы, чтобы под его лучами бродить по шумному, чуждому для него городу, или сидеть в зелёном парке, где так родны и близки были ему и тёмные высокие деревья и нежная зелёная травка».

Среди земляков поэта узнаваемы и сиднейцы Изгнанника — «и толпы шаловливых школьников, и дюжие, холодные полисмены, и плохо наряженные проститутки, и весь этот деловой, вечно спешивший куда-то народ». Слава к поэту, певшему о «свободе и братстве всех людей», приходит неожиданно — какой-то критик заявляет, что он «слава и гордость нации», его слова подхватывает толпа, и вот уже какая-то депутация каких-то людей направилась к поэту, чтобы выразить признание и благодарность народа. После долгих усилий и поисков, прославленного поэта нашли в душной и тёмной конуре. Бледный и неподвижный он лежал на постели с карандашом в руке. На полу валялся клочок бумаги с его последней грёзой, с последними, плачущими звуками его души.⁴²

Именно так, — в нищете, с недописанными стихами, — встретил свой конец и самый известный поэт австралийской нации Генри Лоусон, которому благодарные почитатели устроили государственные похороны. Не о нём ли писал Изгнанник? Но нет, Лоусон умрёт тринадцать лет спустя, в 1922 году. Не о себе ли? Увы, конец нашего Изгнанника будет ещё печальнее, но об этом мы поговорим в следующем очерке. ■

³⁸ Изгнанник. Песнь пятая (конец). — Далёкая окраина, № 703, 13 сентября 1909, с. 3.

³⁹ См. «АМ» № 41, рассказ Изгнанника «Во вражеском стане», стр. 38–46.

⁴⁰ Изгнанник. Недолгий друг. — В кн.: На пире земли, с. 188–200.

⁴¹ Изгнанник. Песнь пятая, № 692.

⁴² Изгнанник. Поэт. — Далёкая окраина, приложение к № 719, 4 октября 1909, с. 2.